

Михаил Кузмин

**Путешествие сэра Джона
Фирфакса по Турции и
другим замечательным
странам**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К89

Кузмин М.
К89 Путешествие сэра Джона Фирфакса по Турции и другим замечательным странам / Михаил Кузмин – М.: Книга по Требованию, 2012. – 42 с.

ISBN 978-5-4241-3295-7

Художественная манера Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936) своеобразна, артистична, а творчество пронизано искренним поэтическим чувством, глубоко гуманистично: искусство, по мнению художника, «должно создаваться во имя любви, человечности и частного случая», «Путешествия сэра Джона Фирфакса» – как и более раннее произведение «Приключения Эме Лебефа» – написаны в традициях европейского «плутовского романа». Критика всегда отмечала фабульность, антипсихологизм и «двумерность» персонажей его прозаических произведений, и к названным романам это относится более всего.

ISBN 978-5-4241-3295-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Михаил Кузмин
Путешествие сэра Джона
Фирфакса по Турции и другим
замечательным странам

Глава первая

Мои родители были небогаты, хотя и принадлежали к роду Фирфаксов; я совсем не помню отца и матери, потеряв их еще в детстве, а воспитывался у дяди с материнской стороны, старого холостяка Эдуарда Фай; он был судьей в Портсмуте, имел небольшой дом, изрядную библиотеку и единственную служанку: экономку, домоправительницу, кастеляншу, кухарку, судомойку и мою няньку – кривую Магдалину. Из окон второго этажа был виден порт и суда, а во дворе был небольшой огород и несколько рядов роз. Дядя вел тихую и экономную жизнь, которая мне не казалась бедностью, но потом я сообразил, что мы могли бы жить и иначе, не будь мистер Фай грязным скрягой.

Я был шаловлив и непослушен, всегда воевал с уличными мальчишками, возвращался домой с продранными рукавами на куртке – и мистер Эдуард с Магдалиной взапуски меня бранили и не секли только потому, что все-таки я был сэр Джон Фирфакс.

В школе я подружился с Эдмондом Пэдж, сыном соседнего аптекаря. Трудно было предположить, какой отчаянный сорвиголова скрывался за бледным лицом Эдмонда, лицом «девчонки», как дразнили его товарищи. Правда, буйная резвость находила на него только временами, и тогда он был готов на самые сумасбродные затеи, на любую ножевую расправу, обычно же он был тих, послушен, скромнен, помогал отцу развешивать лекарства, ходил каждое воскресенье в церковь и выслушивал до конца проповеди, опустив свои длинные ресницы. Говорил глухо и с трудом, будто чахоточный. Никто бы не узнал этого недотрогу, когда он заседал в портовых кабачках, куря трубку, затеявая ссоры с иностранными матросами, играя в карты и ругаясь, как солдат, или когда он на лодчонке выходил в открытое море на всю ночь ловить рыбу или просто воображал себя вольным мореходцем.

Море привлекало нас обоих, и часто, лежа на камнях за городом, мы строили планы, как бы собрать удалую ватагу, отправиться по широкой дороге в Новый Свет или Австралию, смотреть чужие края, обнимать веселых девушек в шумных портах, разодеться в бархат, бросать деньги, орать за элем свободные песни, сражаться, грабить, никого не слушаться, ничего не жалеть – словом, делать все то, что нам запрещали домашние. Я был не похож на Эдмонда: я всегда был равно весел, никогда не прочь поцеловать краснощекую девку, перекинуться в карты, сверкнуть ножом, но до неистового буйства своего друга не доходил; зато он быстро утихал, я же все продолжал бурлить и вертеться, будто раз пущенный волчок.

Но напрасно приняли бы нас за низких гуляк из разночинцев: и я, и мой дядя ни минуты не забывали, что я – сэр Фирфакс, и, когда мне минуло 15 лет, мистер Фай призвал портного и, хотя торговался за каждый грош, заказал для меня модное платье, стал давать карманные деньги и начал сам учить меня играть на лютне и петь, вытащив старые ноты Дуланда. Я читал Вергилия и Сенеку и порядочно ездил верхом. Дядя брал меня в поместье нашей родственницы, где гостили лондонские барышни, и там после обеда я впервые играл и пел в обществе свои, несколько старомодные, песни, в ответ на что одна из приезжих девиц дала мне розу, сама же заиграла сонату Пёрселя. И когда мы с Эдмондом показывались

теперь в кабаках, нам кланялись особенно почтительно, думая, что карманы моего нового сиреневого камзола полны золота, и не зная, что этот камзол у меня единственный.

Вскоре моя судьба переменилась в тесной зависимости от судьбы Эдмонда. Однажды, после особенно продолжительного кутежа, где моего друга ранил в руку заезжий испанец, аптекарь решил женить своего сына и очень спешил с этим, чтобы успеть кончить дело в период покорности Эдмонда. Я выходил из себя тем более, что найденною невестой была некая Кэтти Гумберт, французская еврейка, не обещавшая быть ни любящей женою, ни хорошею хозяйкой. Но все мои доводы разбивались о вялую послушность Эдмонда. Аптекарь, догадываясь о моих происках, старался не допускать меня до своего сына, и даже свадьбу справили за городом, украдкой. С тех пор я не видался с Эдмондом Пэдж.

Я неделю прогулял в порту, а вернувшись в разорванном сиреновом камзоле, засел дома, не отвечая на расспросы мистера Фая. Наконец я объявил, что хочу предпринять путешествие; дядя пробовал меня отговаривать и наконец сказал, что денег мне не даст, на что я спокойно заметил, что деньги эти – не его, а моей матери, что я – взрослый человек, что, конечно, он волен поступать, как ему угодно, но пусть он решит сам, насколько это будет добросовестно. По-видимому, мое спокойствие больше подействовало на судью, чем если бы я стал грубить и говорить дерзости, так как вечером за ужином он начал примирительно:

– Ты был прав, Джон; конечно, я поступил бы благоразумно, но не совсем добросовестно, не давая тебе денег твоей матери. Ты взрослый юноша и можешь сообразить сам, умно ли это, так отправляться в неизвестный путь? Не лучше ли бы тебе посещать университет и готовить себя к какому-нибудь мирному занятию, чем терять лучшие годы в попойках и рискованных затеях? Тебе 19 лет; в твоём возрасте я уже давно переписывал бумаги у своего патрона. Кто тебя гонит? Я понимаю, что тебе скучно, но займись наукой – и скука пройдет.

– Я бы хотел побывать в Италии; вы знаете, ничто так не образует человека, как знакомство с чужими краями.

– К тому же сестринных денег очень немного, а потом уже я тебе не дам.

Хотя я знал, что дядя меня обманывает, что у покойной матушки был достаточный капитал съездить хотя бы в Китай и лет 20 жить безбедно, но я был так обрадован согласием мистера Фая, что поблагодарил его и за это. Вздыхая, дядя дал мне часть денег, и я стал готовиться к отъезду.

Корабль отходил только через 10 дней, и все это время я не знал, как прожить скорее. Наконец наступил вторник 3 марта 1689 года.

Одевшись уже, я взбежал по крутой лестнице в свою комнату, обвел глазами стены, голландские тюльпаны на окне, шкаф, стол, где лежал раскрытый Сенека, постель с пологом, полки, висевшее платье, – запер ее на ключ, простился наскоро с дядей, вышел на улицу, где стояла, утирая глаза передником, с суповой ложкой в руках, старая Магдалина и скакал, лая, Нерон, махнул шляпой и пошел к гавани в сопровождении матроса, несшего мой багаж. Ветер раздувал плащ, и я все сердился на собаку, которая, скача и визжа, путалась под ногами, и на матроса, который плелся в отдалении. Наконец я взошел на борт «Бесстрашного» и перекрестился, отерев пот.

Глава вторая

Так как «Бесстрашный» был судном английским, то я мало чувствовал себя лишенным родины; притом радость настоящего плавания, все подробности морского дела, тихая, несмотря на март, погода, не давали места грустным мыслям, свойственным первым часам отплытия. Я даже мало выходил на берег при остановках и мало знакомился с пассажирами, все время проводя с командой и с увлечением участвуя в ее работах. Наконец мы вошли в длинное устье Гаронны, чтобы высадиться в Бордо. Мне отсоветовали огибать Испанию, так как это замедлило бы мое прибытие в Италию, куда я считался направляющим путь. И потом мне хотелось видеть ближе хоть часть прекрасной Франции. Таким образом, я решил проследовать из Бордо в Марсель сухим путем через Севенны. Бордо уступает Портсмуту в том отношении, что лежит, собственно говоря, на устье, а не на море, и мне показалось даже, что приезжих здесь как будто меньше и толпа менее разноплеменна. Может быть, это была не более как случайность. Что меня особенно удивило, так это – обилие публичных домов. Конечно, из этого нельзя ничего заключать о распутстве французов, так как эти заведения рассчитаны главным образом на приезжих.

Я в первый раз видел французов, как они у себя дома и толпой, и могу сказать, насколько я заметил, что они – расчетливы, скупы, вероломны, бестолковы, непоседливы и невыносимо шумливы. Молва о вольности в обращении их женщин очень преувеличена, так как, если не считать веселых девиц, то девушки держатся строго и не позволяют себе ничего лишнего; у нас я без обиды мог бы поцеловать любую из честных и благородных барышень, меж тем как здесь это почлось бы оскорблением. Впоследствии я узнал, что это не более как разница в манерах, люди же везде одинаковы, но сначала это меня удивляло, совершенно опровергая заранее составленное мнение.

Из Бордо я и несколько французов отправились верхами вдоль Гаронны, берега которой зеленели весенними деревьями; холмы были покрыты виноградниками, которые я видел впервые. Мы без особых приключений стали подниматься в горы, как вдруг один из передовых вскричал: «Вот Монтобан». Я вздрогнул при этом имени и тотчас устыдился своего волнения, так как не мог же морской разбойник, наводивший трепет на Испанию и Америку, находиться в глухих Севеннах. Оказалось, что то же имя, как славный пират, носил и горный городок, видневшийся впереди нас.

Осматривая старинный собор в Родеце, я заметил быстро вошедших туда же кавалера и даму. По-видимому, они не были приезжими, так как не обращали внимания на древние изображения святых, но вместе с тем пришли и не для молитвы, потому что, едва поклонившись пред алтарем, где хранились Св. Дары, отошли к колонне и оживленно заговорили, поглядывая в мою сторону. Я же продолжал спокойно свой осмотр, краем уха прислушиваясь кговору, как показалось мне, марсельскому. Когда я проходил мимо, они сразу умолкли и дама улыбнулась. Она была очень маленького роста, несколько полна, черноволоса, с веселым и упрямым лицом. Впрочем, в соборе был полумрак, и я не мог рассмотреть хорошо марсельской красавицы. Не доходя еще до выхода, я был остановлен окликом: «Не вы ли, сударь, обронили перчатку?» Перчатка была действительно

моею, и я поблагодарил незнакомца. Мне запомнились только закрученные большие усы и блестящие темные глаза. Вежливо раскланявшись, мы расстались.

Рано утром я был разбужен громким разговором, доносившимся со двора. Двое рабочих запрягали небольшую карету, ругаясь; господин, наклонившись, наблюдал за их работой, а вчерашняя дама, уже в дорожном платье, стояла на высоком крыльце, изредка вставляя звонкие замечания. Я распахнул окно и, поймав взгляд незнакомки, поклонился ей; она приветливо закивала головою, будто старинному другу.

– Надеюсь, что не вы уезжаете, сударыня? – осмелился я крикнуть.

– Именно мы, – весело отвечала она и улыбнулась.

Господин поднял голову на наши голоса и снял шляпу, увидев меня в окне.

– Конечно, вы спешите по важным делам? – спросил я его.

– Да, дела – всегда дела, вы знаете, – отвечал он серьезно.

Между тем карета была не только запряжена, но уже и чемоданы взвалены наверх и привязаны. Дама мелькнула в экипаж, крикнув мне: «Счастливой любви!» – и господин вошел за нею. Я только успел пожелать счастливого пути, как карета, тяжело качнувшись при повороте, выехала со двора и стала подыматься в гору. Мне долго был виден белый платочек, которым махала маленькая ручка смуглой дамы. Уже давно исчезла за последним поворотом карета, а я все стоял неодетым у открытого окна. Из расспросов гостинника я узнал, что путешественники направились также в Марсель. Можно представить, как торопил я своих товарищей, каких-то бордоских купцов, чтобы догнать первых путников. Так как мы отправлялись верхами, то надеялись без труда успеть в своем намерении. Солнце еще было не так высоко, когда мы выехали; дорога шла все в гору; часам к пяти мы услышали громкие крики впереди нас; мои спутники остановили лошадей, предполагая какую-нибудь драку, но крики очевидно принадлежали только одному, притом женскому, голосу, так что я убедил купцов приблизиться и, если нужно, помочь обижаемой и, может быть, покинутой даме.

Посреди дороги находилась карета без лошадей, разбросанные чемоданы указывали на только что бывший грабеж, а изнутри экипажа раздавались вопли и всхлипывания. Представлялось, что там сидело не менее трех женщин. Но, подойдя к окошку, мы увидели только одну даму, которая, отнявши руки от заплаканного лица, оказалась моей знакомкой из Родеца. Подкрепившись вином и слегка успокоившись, она рассказала, что на них напали грабители, убили почтальона и ее кузена, похитили ценные вещи, а ее оставили в столь бедственном положении. Повесть свою она несколько раз прерывала потоком слез, как только бросала взор на распоротые чемоданы. Звали ее Жакелиной Дюфур.

Я предлагал тотчас идти на поиски за разбойниками, но девица сказала, что несчастье произошло уже часа два тому назад. На вопрос же, куда делись трупы, она отвечала, что, сразу лишившись чувств, она не знает, что убийцы сделали с телами убитых.

– Вероятно, они сбросили их в овраг, – добавила она и снова залилась слезами.

Осмотрев окрестность и ничего не найдя, я порядком удивился, но подумал, что мне недостаточно известны местные нравы, и притом у разбойников, как у всякого человека, могут быть свои причуды. Подивившись продолжительности слез и горести покинутой девицы, мы отказались от преследования грабителей.

Подумав некоторое время, мы решили впрячь двух лошадей в карету, одному сесть за кучера, другому с m-lle Жакелиной, предоставляя только третьему оставаться всадником, причем местами мы чередовались. Когда мы останавливались на ночь в попутных деревнях, наша дама вела себя более чем скромно и запиралась на ключ, что меня несколько смущало, доказывая какой-то недостаток доверия к нашей воздержанности.

Глава третья

Как известно, из Людева дорога идет круто вниз. Миновав Клермон, Монпелье и Арль, мы прибыли в Марсель. Тут мы расстались с нашей Жакелиной и разошлись по своим гостиницам. В тот же день ко мне явился молодой человек, отрекомендовавшийся Жаком Дюфур. Лицо его показалось мне что-то знакомым, только усы были будто поменьше. Он меня горячо благодарил за помощь, оказанную в несчастье его сестре, и просил зайти к ним в дом, чтобы сами счастливые родители могли мне выразить свою признательность лично. Он досидел у меня до сумерек, когда мы вместе отправились в старый облупившийся дом на полугоре вправо от порта. Я был в дорожном платье, не успев переодеться и вняв уверениям нового знакомого, что старики – люди простые и не обессудят.

В первом зале, уже с зажженными свечами, сидело человек пять молодых людей, из них двое военных, игравших в карты; у окна сидел пожилой господин и тихонько напевал, подыгрывая на лютне. Хозяин, не здороваясь, провел меня в следующую небольшую и пустую комнату. Извинившись, он оставил меня одного. Через несколько мгновений на пороге показалась m-lle Жакелина: приложив палец к губам, она молча подошла ко мне, поднялась на цыпочки и, поцеловав меня в губы, так же бесшумно прошла в зал, откуда доносились голоса играющих. Вскоре вышли родители и со слезами на глазах благодарили меня в самых изысканных выражениях за мое благородство, вспоминая с сожалением и горестью о погибшем племяннике. По правде сказать, они мне мало напоминали благородных людей и более походили на проходимцев, особенно папаша. В конце нашей беседы снова вошла Жакелина и, скромно поместившись около старой дамы, поглядывала украдкой на меня, стыдливо и лукаво. Жак проводил меня до дому, горячо расцеловался со мною на прощанье и пригласил к обеду на следующий день, передав мне тайком записку от своей сестрицы. В письме говорилось, что она вторично обращается за помощью к моему великодушью и умоляет меня вместе с ее братом выискать для нее средство избежать ненавистного брака с богатым стариком, господином де Базанкур. Жак подтвердил мне точность этих сообщений, и мы долго обдумывали, как бы устроить дело, так как хотя я и не вполне верил всем словам Жакелины, но считал, что если даже часть грозящих ей бед действительна, то я не вправе оставлять ее без защиты.

Мой новый друг предложил мне такой план: завести ссору за картами со старым ухаживателем, вызвать его на дуэль и убить, причем он нарисовал такой отвратительный портрет г-на де Базанкур, что смерть его была бы благодеянием если не для всего мира, то для всего Марселя и, конечно, для прекрасной Жакелины. Таким образом, мой отъезд откладывался на несколько дней. Я бывал каждый день у Дюфуров, m-lle Жакелина вела себя крайне сдержанно, только изредка вскидывая на меня просительные и обещающие взоры. Однажды, оставшись со мною наедине, она порывисто схватила мою руку и прошептала:

– Вы согласны, не правда ли?

– Будьте уверены, сударыня: я сделаю все, что зависит от меня!

На следующий вечер состоялось мое свиданье с г-ном де Базанкур. Я удивился, найдя в предназначенной жертве нашего умысла очень почтенного седенького старика в ярком костюме, с неподкрашено розовым лицом, скромными,

несколько чопорными манерами отставного военного. Завести с ним предумышленную ссору казалось немислимым, но Жак так откровенно мошенничал (конечно, нарочно, для вызова), что де Базанкур, вставши, заметил:

– Я прекращаю, с вашего позволения, игру: мы имеем слишком неравные шансы.

– Как вам угодно, сударь, но в таком случае вам придется поговорить с моим другом о месте и времени, – сказал Жак, толкая меня локтем. Памятуя наставления Жакелины, я вступил в завязавшуюся ссору, так что в конце получилось, что дуэль у г-на де Базанкур состоится не с Дюфур, а со мною. Семь часов следующего утра были назначенным часом поединка. Вечер я провел у родителей Жака, горько сожалевших о происшедшей неприятности. Так как исход дела был неизвестен и в случае неблагоприятном для меня оставшиеся после моей смерти деньги могли бы пропасть в подозрительной гостинице, я решил отдать их на сохранение старикам Дюфур. После долгого колебания они согласились исполнить мое желание со всяческими оговорками, и я из рук в руки передал старой даме кожаную сумку, несколько отощавшую за мой переезд от Портсмута до Марселя. Жакелина, плача, поцеловала меня при всех, будто официального жениха.

Хотя противник оказался не из слабых, но непритупленность моих молодых глаз и быстрота выпадов ускорили несомненный исход сражения. Я впервые убивал человека собственноручно и не могу скрыть, что, хотя это произошло на честном поединке, на меня сильно подействовало, когда г-н де Базанкур без стона повалился на траву, меж тем как кровь почти не сочилась из раны.

Убедившись в его смерти, я с Жаком помогли секунданту г-на де Базанкур перенести тело в карету, быстро помчавшуюся к городу, и с своей стороны также поспешили домой, как-то неловко переговариваясь и избегая смотреть друг на друга.

Жак зашел ко мне и долго молчал, сев на плетеный стул у дверей. Наконец он сказал: «Что же мы будем делать, Джон?» – и стал развивать свою мысль, что нам нужно бежать на время, хотя бы в Геную, пока не затихнет история о смерти старого Базанкур, когда мы можем вернуться в Марсель и я, если хочу, возьму его сестру замуж. Так как я сам собирался попасть прежде всего в Италию, то вполне согласился со словами Жака, выразив желание как можно скорее получить назад отданные на хранение деньги и сказать «прости» будущей невесте. Но к моему удивлению, моя нареченная теща высказала полное неведение о судьбе порученной ей суммы и наконец наотрез отперлась от того, чтобы она когда-нибудь ее от меня получала. Такая явная наглость меня взбесила до такой степени, что я, назвавши старую даму мошенницей и ведьмой, вышел, хлопнув дверью. Жак меня отговаривал обращаться к правосудию, доказывая, что лучше потерять вдвое большую сумму, чем подвергаться самому законной каре за убийство почтенного горожанина, и выставляя на вид, что у него самого достаточно денег, чтобы благополучно добраться до Генуи и выждать там надлежащее время. Я рассудил, что – не место спорить, и, наскоро собрав свой багаж, дождался вечера, когда вернувшийся Жак объявил, что на рассвете отплывает небольшое купеческое судно как раз в Геную. Мы тотчас же отправились к гавани, решив не ложиться спать после дня, столь наполненного впечатлениями. Я не мог удержаться и осыпал родителей Жака самыми горькими упреками, с чем рассеянно согла-

шался шагавший возле меня товарищ.